Убить Архимеда

Последним оплотом эллинского мира на пути
захватчиков-римлян стали архимедовы Сиракузы.
Долго держался сей славный город,
благодаря уму и изобретениям Архимеда.
Когда к нему подошел римский солдат, Архимед
решал очередную задачу. Убийца спросил его:
"*Что ты хочешь?*" – и Архимед отвечал:
"*Отойди, ты заслонил мне солнце!*"

"Детская Энциклопедия".

Убил же его центурион по имени – Брут...

"История Римской Республики"

Когорта квартировала вокруг старого, заросшего пожухлой травою театра, вырубленного некогда греками прямо в склоне горы. Театр господствовал над зданиями внизу и мы поставили в нем гигантскую катапульту, захваченную нами у грекосов.

Теперь мы сидели вокруг катапульты и смотрели на город сквозь пелену дождя. Городишко – весь из белого камня, - только что выглядел обглоданным костяком под лучами местного солнца, но хлынувший дождь придал ему живой вид. Люди мои подставляли руки, и шлемы под струи воды, что-то кричали, радуясь и грозя кулаком давешнему солнцу, – полгода ждали мы этот дождь!

Меня зовут Марк. Мы - плебс и все, что у меня за душой - восемь югеров земли, да дом на Авентинском холме. Не так уж и много, но и не мало - у многих лишь по три югера, а на прокорм семьи нужно пять. Род наш от сына Венеры - Либера. Это не самый известный бог, но я горжусь им, - ведь потомкам рабов и того не положено.

Мысли о боге напомнили мне про моего переводчика. В день, когда мы брали город, нам дозволили немного "побаловать". Под горячую руку мы перебили немало людей, а вот этого - пощадили. Он бежал, прихрамывая на обе ноги, с корявой клюкой и мешком. Люди мои решили, что у него в мешке что-то ценное.

Когда старик хотел драться, они животики надорвали со смеху. Грек их так насмешил, что они якобы ловили его, забавляясь, как кошка с мышью, пока один, подкалывая старика кончиком боевого меча, не прорезал мешок.... Из дыры посыпались свитки книг, кто-то их поднял посмотреть, так старик кинулся отымать!

Солдаты мои даже думали, что там - внутри денежки, - что еще пытаются спасти в смертный час? Они размотали свитки, но денег там не нашли и грека притащили ко мне: в нашей сотне я один умел читать и писать. К сожалению, свитки оказались на греческом, а я не знаю их языка. Я спросил – что это, а безумный залопотал про Софокла, Эсхила, да Еврипида. Никогда не слышал о них, но старик целовал мои ноги, крича, что в такой день эти книги – важнее всего. Сам не знаю, - почему я его пощадил...

Наверно, - в тот день я устал убивать. И потом, - мы взяли город, но Архимед засел в крепости,

обороняя ее механизмами. Говорили, что эти же механизмы в незапамятные времена сгубили целую армию, и Марцелл сразу сказал, что на верную смерть он нас не пошлет. Торопиться нам некуда – придет осень, проливные дожди размочат ремни механизмов и местную крепость мы возьмем без потерь. У нас хороший командующий, - другой патриций без жалости послал бы плебеев на штурм, а Марцелл… Мы любим его.

- * *

Мелкий, моросящий дождик всю ночь шуршал за окном, не давая заснуть. Я так и пролежал, не сомкнув глаз, и все смотрел на окно, за коим виднелись неясные силуэты моего города. Я люблю ночь: ночью хорошо смотреть на звездное небо и воображать себе, что там - на сих далеких мерцающих огоньках.
Мой отец - Фидий верил, что звезды подобны нашему Солнцу, просто до них далеко - немыслимо далеко. В доказательство он привел пример со звездой - Глаз Горгоны. Отец говорил, что перемена яркости Глаза - следствие периодического затмения, вызываемого крупным спутником этой звезды, - подобного спутникам Фаэтона.
Я – астроном и бредни о множественности миров, коими грешат многие математики, вызывают у меня смех, но надо признать, что у последователей Пифагора – недурной аргумент. Природа не терпит избыточной сложности, а расчеты движений планет вокруг Солнца гораздо проще расчетов вокруг Земли. Так что вопрос о существовании спутников Фаэтона - краеугольный камень спора с пифагорейцами. Проблема в том, что мой инструментарий чересчур слаб для наблюдения за такими объектами.
В последние годы я, используя методы тарентцев для обсчета поверхности линз, искусность сиракузских механиков и мои собственные познания о производстве устройств с рядом призм, создал идеальную линзу для передачи изображений. К сожалению, дальнейшие работы прекращены – ввиду гибели обученных на это рабов...

- * *

В общем, в город мы вошли в начале весны, а дожди на Сицилии идут в конце осени. И до осени старик рассказывал занимательные истории и так полюбился всем нам, что никто его уж не тронет. Но в то же время мы любим деда подначивать, а тот петушится, не ведая – как смешон. Вот и теперь, дабы скоротать время до ужина, я кликнул грека и принялся приставать к старику:

- "Бесстыдный вы народ, греки. Небось, бегали здесь нагишом с размалеванной рожей и потешали толпу. Видал я ваши комедии, - это мерзость. Когда мы возьмем вашу Грецию, клянусь Либером, - мы запретим все так называемые вами – театры".

Старикан огляделся вокруг, будто видел все это в первый раз:

- "Ты не видел истинного искусства! Ты привык к простым фарсам, коими вас потешают на ваших же Сатурналиях. Здесь же когда-то шел Софокл, да Эсхил… Когда-то Сиракузы были Столицей Западной Эйкумены, а это место - театром Диониса. В честь Дионисия. Дионисия Старшего…. Самого Великого, кровожадного и ужаснейшего из наших царей! Он был такой же вот варвар, как и все вы…"

Мои ребята зафыркали. Их потешает, когда грек задирает нос, обзывая нас варварами. Старый Ларс даже скорчил грозную рожу:

- "Ты посмел звать нас - варварами?! Ты думай, что говоришь!"

Грек испуганно оглянулся на меня и промямлил:

- "Я хотел сказать, что вы - римляне - не понимаете подлинного искусства. Вы же не знаете наших богов и героев, чтоб..."

Тут мои ребята совсем покатились со смеху:

- "Во сказал! Это у грекосов-то - герои?! Да все они разбегаются при одном виде наших орлов! Чего его слушать, тоже придумал - трагедии про каких-то там греков, - то ли дело история про дочку зеленщика, иль - палатинскую вдовушку!"

Лишь теперь старик осознал, что над ним потешаются. Его личико сморщилось и стало похоже на печеное яблочко. Губы его затряслись, и старикашка заплакал. Мои парни – незлые. Кто-то из них смущенно отвел глаза в сторону, другие сделали вид, что занялись ужином. Когда человек готов умереть из-за каких-то там рукописей – у него не все дома. Но обидеть такого – тоже нехорошо. Чтоб как-нибудь его успокоить, я спросил примирительно:

- "Почему же вы, греки, не хотите играть перед нами ваши трагедии? Презираете, или что?!"

- "Возможно, мои соотечественники привозили в Рим и трагедии, но... из всех них лишь одна и могла иметь бы успех. Если уж вам больше нравятся истории про дочку зеленщика, актеры будут играть про зеленщика - им тоже надобно кушать".

Ребята переглянулись и заговорили за жизнь, - наша когорта называется Авентинской, а стало быть - все мы плебеи, и знаем цену трудовому оболу. Вот только Ларс буркнул, что если бы показали что-нибудь про Либера, или даже Юнону патрициев, он, может быть, и посмотрел, а какая ему радость смотреть на грекосов?! Но я посмеялся и отвечал, что когда-нибудь римлянин напишет про братьев Горациев, или даже Энея и мы утрем нос всем этим грекам.

Люди мои удивленно глянули на меня, но промолчали - про нас, римлян, говорят, что нашими головами – хорошо драться, но они - больно крепки для разной там философии, или - трагедий. Возьмем, того же - Платона: пленный грек мне его книжку читал – "Республика" называется. Там много всего – и все глупость.

Я ж понимаю так, - больше земли - больше рабов, богаче народ, так при чем здесь "удобообозримость", да "избираемость"? Да и кто согласится выбирать в правители самого умного? Самого богатого - да, это я понимаю: раз сумел деньги нажить - значит умный. А самых умных выбирают консулом во сне, или - в сказках.

Дурацкая книжка. Но были в ней и верные мысли. Я даже переписал их на другой свиток, соскоблив ненужного мне Еврипида, чтоб был чистый пергамент - грека чуть не хватил удар! Но книжка моя ребятам понравилась. Однажды мы сидели в кружок и читали Платона, когда мимо нас на лошади проезжал наш командующий со своей свитой. Он остановил коня, слез с него и похвалил:

- "Просвещаешь людей? Молодец. Что это у тебя?"

- "Платон, Ваша Честь. "Республика", Ваша Честь".

У командующего округлились глаза. У него затряслись руки от нетерпения и, потянувшись за свитком, он прошептал:

- "Ты читаешь Платона для обычных солдат? И они понимают? Ежели так, то с такими мы в два счета завоюем весь Мир!"

Тут он развернул свиток. Уставился на десять предложений в самом начале бесконечного рулона пергамента, растерянно посмотрел на дальнейшую пустоту и пробормотал:

- "Что это? Ты говоришь, что это Платон, но тут же нет ничего!"

Я отдал Честь командующему и отвечал:

- "Там - много лишнего. Так я приказал все лишнее вымарать, и осталось лишь это. Это мы и читаем".

Надо было видать лицо Марцелла. У него был такой вид, что он собирается то ли взорваться от хохота, то ли заплакать. Потом он пришел в себя и сказал:

- "Сократить Платона до десяти предложений?! О небо, какой же ты - Брут… Дурак…. Да что ты понял - в Платоне?!"

Он так разозлился, что швырнул мне свиток, даже не читая его. Швырнул и хотел уже ехать. А я развернул Платона и прочитал:

- "Республика" означает – "Народная Власть". Народ - источник, выразитель и исполнитель высшей Власти в любом государстве. Каждый гражданин Республики во всем и всегда равен любому другому гражданину и имеет с ним равные Права…"

Марцелл застыл на пол-дороге, затем обернулся через плечо и мы все увидали, как вдруг побледнело его лицо. Он молча спешился, отнял у меня мою книжку, развернул ее и прочел:

- "Всякий гражданин республики имеет равные права в использовании ресурсов и богатств государства. Любой гражданин…"- он не дочитал, медленно свернул свиток и хрипло выдавил:

- "Да ты больший Дурак, чем пытаешься выглядеть! Я перечту твою книжку - внимательней. Верну через пару дней. Читатели…"

Вернул он ее только через неделю, потому что ее – все равно уже наизусть знала вся наша когорта. Мы - плебеи и соседи друг другу, так что рассказы о моей книжке быстро разнеслись по всей армии. Вы не думайте, что раз мы плебеи, так и - вообще полные дураки. В каждой сотне у нас есть и - грамотные, а для уроженцев Авентина - беднейшего и населеннейшего квартала Рима - это немало.

Да, мы пехота - мясо для этой войны. Нами командование затыкает дырки в порядках и если война затянется еще лет на десять, Авентин станет кварталом женщин и стариков. Если, конечно, они все там не вымерли. Из дома пишут, что матушка очень плоха, а младшая сестра умерла с голоду…

Господи, а ведь я и не думал, что когда-нибудь пойду в армию… Мои родители мечтали о том, что хотя бы один из нас займется чем-нибудь "благородным", поэтому меня и отдали учиться на ритора. Там мне и дали мою кличку - Брут. Я никак не мог запомнить простейших вещей, коим нас учили греческие учителя, а кулаки у меня - солдатского сына таковы, что даже служки не решались меня лишний раз выпороть. Так вот я и остался Брутом и неучем…

Когда началась Война, отец со старшим братом ушли с армией Варрона воевать с Ганнибалом. Потом Варрон и иные патриции прискакали с известьем о том, что армия погибла при Каннах. А мы плакали, да ругались, что погибла-то не армия, а - пехота. Плебеи…

А патриции ускакали на своих лошадях. Ну да не нам, плебеям, судить. Они ж благородные, - наша жизнь не стоит ногтя на их пальце.

В общем, после Канн все наши союзники, вся греческая мразь предала нас и побежала на поклон к Карфагену. Самое главное, что от Рима отпали Сицилия и Кампания - самые плодородные районы Республики. И настал первый Голод.

Тогда матушка собрала все, что у нас было, и вместе с другими плебейками пожертвовала это все на Спасение Города. Сейчас из Рима пишут, что патрицианки вроде бы тоже отдали свои побрякушки, но это все чушь: патриции кормятся за казенный счет из римской казны и пользуются общественными землями, как своей собственностью, а мы крутимся с тем, что у нас. Они ссыпают крошки со своего стола, а мы - отдаем последнее. Нет, Платон был - мудрый мужик…

В общем, пошли мы с братом в армию добровольцами. Поставили нам задачу - в составе Авентинской когорты очистить Сицилию и обеспечить подвоз еды в Город. В Сицилию, - так в Сицилию.

Сели мы на корабли и поплыли. Все море было перекрыто врагом, поэтому наш командующий приказал отплыть в непогоду. И вот - представьте себе: кругом гром и молнии, а дождь льет, как из ведра - мы уже видим берег Сицилии и тут – пунический флот.

Мы шли с погашенными огнями, да и они двигались тайно, так что увидали мы друг друга только после того, как столкнулись - чуть ли не нос к носу. Ну, у них на сей счет на борту балеарские пращники - как начали они по нам палить, только держись. Первым же камнем попали в голову моему брату и - наповал. Я так разозлился - мочи нет, что вскочил и заорал, что есть силы:

- "Вставайте вы, трусы! Мостки - сюда. Сейчас мы искупаем в море всю эту сволочь…"

Ребята тоже смекнули, что от пращи под бортом не насидишься, поднажали на весла и - прямо в борт вражеской квинквереме. А там абордажные мостки через борт и - вперед. Все эти пращники хороши лишь камнями кидаться, а как дошло до меча - трусы ужасные.

В общем, - перебили мы их, да и ребят наших, что прикованы к веслам - освободили. Обычное дело. Это в нашей армии мы – плебеи - на веслах, а у карфагенян на это - рабы. Поэтому пуны и боятся драться на море: если они врываются на наши корабли, то все гребцы хватаются за оружие и бьют врага до последнего. А вот если наоборот, мы разбиваем цепи и их же гребцы бьют своих же мучителей. Карфагенские корабли лучше наших, но их собственные гребцы, стоит им заметить наши триремы, тут же бросают грести и - дело сделано.

Посреди драки один их корабль налетел на нашу трирему и переломил ее, как соломину. Сам не знаю, – как я зацепился за какую-то доску и повис над бушующим морем на вражеском корабле. Признаюсь, - я не плаваю, оробел, поэтому и не прыгнул в море, а стал подтягиваться на борт вражьего корабля. Борт оказался очень высок, сил моих не хватило, и я бросил собственный меч, лишь бы удержаться за влажную древесину.

Выбираюсь на борт, спрыгиваю на палубу, а там – вообразите мой ужас, не тощие балеарские пращники, а здоровенные карфагеняне в форме их Гвардии! Сперва они меня не приметили - дождь, гроза, да и бежал их корабль от битвы, – они все смотрели назад, - не гонятся ли за ними, а я заполз с низкой – носовой стороны. Но когда увидали - повалили всем скопом. А я вырвал ручку из пустого весла и на них. И покровитель мой - Либер помог мне: я попал деревяшкой одному из надсмотрщиков по голове, он покачнулся и крайний из гребцов удавил

его цепью, а другой раб откинул мне меч упавшего. Увидав меч, враги забыли про все, бросившись на меня, тогда как рабы под шумок сняли ключ с шеи удавленного и разомкнули цепи свои…. А всем миром мы врагов просто размазали…

Пока дрались, нас снесло чуть ли не к Африке, так что к нашим мы подошли лишь под утро. Когда они увидали, что по морю ползет такое чудовище, заиграли тревогу, а когда поняли, что это - я, все так удивились, что расспрашивали - пока у меня язык не отсох. А сам Марцелл долго смеялся и приговаривал, что я - настоящий Дурак. Таких Дураков еще он не видывал, - враги гребцам цепи заклепывают, а этот корабль был флагман - с походной казной и лишь поэтому рабов "пристегнули", чтоб убирать с палубы всякий раз, когда несут денежки. Не будь этого, - много бы я навоевал – один против целого корабля?!

Так что армия стала звать меня - Брут. Брут означает "Дурак". Центурион "Брут". А сотню мне набрали как раз из тех бывших гребцов, коих освободила моя природная глупость.

Впрочем, почти все они погибли сразу же через месяц. Врагу не понравилась наша высадка, и они послали против нас целую армию. Но мы их тепло встретили и – разбили. Вот тогда-то великий Марцелл и атаковал крупнейший порт у противника - чертовы Сиракузы. Этот город был нам союзником до Войны.

Все машины, что наш флот топят, – восстановлены на наши римские денежки. За долгие годы без войн древние механизмы расстроились, и мы подрядили этого Архимеда, чтоб он подновил их. Так сей "мудрец" вместо того, чтоб наделать новых – по образу и подобию, истратил все на какие-то опыты, да – на роскошь! С первых рук доложу, - когда мы вошли в этот город – бедность кругом ужасающая! Войдешь в один дом – стены голые, а дети муку пополам с золой жрут! Войдешь в другой – стены в росписях, а на них голые девки, да мужики – черти чем занимаются! А кругом – позолота, сушеный изюм, да фиги с финиками…. Уж на что, – патриции - сволочи, но такого даже у них отродясь не было! Аж, - ком к горлу…

Вот – вроде война, а мои мужики… Краюху своего солдатского хлеба напополам, и – деткам греческим, а они – как воробьи… Голодные все… Пузатые и голодные. Вроде война, все греки для нас – как предатели, а глянешь на их детей и – ком к горлу…

Предали они нас – средь войны, когда после Канн мы вывели отсюда войска на защиту Италии, "механики" без хозяйской руки – сразу же взбунтовались. Гарнизон наш вырезали, Гиерона убили со всей семьей…. Глумились… Пуны за это отвалили им недурной куш, – город весь пропах финиками, а черепками их амфор – сегодня пора дороги мостить. А детки – голодные…

Финики…. Помню день начала Войны. Я был в школе, - когда прервали занятия, и объявили: "Война!" Нас повели на Марсово поле – принести Присягу Республике…

Дорога шла через рынок, а там, – у ворот карфагеняне торговали "дарами Африки". На всех рынках перед самой Войной были сплошь "черные" - как же мы их ненавидели! В тот раз толпа уже начала громить их прилавки и появились судебные приставы с ликторами – следить, чтобы не было мародерства. И главный ритор нам говорил:

- "Все должно быть по Закону! Все африканское должно быть уничтожено. Но за каждую взятую у врага вещь вы должны заплатить. А если заплатите – пойдете под суд, как Изменники Родины! Всякий обол, любая полушка в черной руке – лишний камень в праще этих бездельников! Купив один финик, вы Родину Предали!"

Я никогда не ел фиников…. Зато я их нюхал. Мы построились, ликторы развязали специальные пучки палок, в которых носили свои топоры и раздали нам эти палки. И мы пошли по

разбитому рынку, гоня палками пред собой торгашей, и африканские финики хлюпали у нас под ногами. И запах стоял такой сладкий.... По сей день помню, как я шел и слюнки глотал... В общем, - изловим мы того Архимеда - пожалеет, что его мама на свет родила...

Про Архимеда наш старик всю правду рассказывал: оказывается, он учился в Александрии. Александрия - город в Африке. Видно, в те годы этот гад и продался, а мы столько лет не могли его распознать!...

- * *

Существование спутников Фаэтона произведет на науку такой же переворот, как и наблюдениями за кольцами Фенонта, называемого иными – Сатурном! Именно кольца Фенонта навели Аристотеля на мысль о твердости "сфер".

Но эта теория не может не встретить возражения любого механика, - допустим, что планеты "движутся" вокруг Солнца за счет обращения некой "сферы", на которой они закреплены. Но тогда:

Каков материал этих сфер, и какие коэффициенты оптического преломления этих материалов? Что происходит с тепловой энергией, которая образуется при трении "сфер" друг о друга, какова Природа ее? Если же энергия не выделяется за счет нулевого трения меж данными "сферами", какова природа "смазки" и почему ее коэффициент оптического преломления равен коэффициенту преломления "сферы"? Куда уходит вращательный момент при кручении столь чудовищных сфер? Куда девается возникающая Центробежная Сила? Каково сопротивление материала сих сфер – ведь нагрузка на них, мягко скажем - чудовищна?! Наконец, самое важное возражение Птолемея - чем объясняются видимые возмущения в движении планет? А если Аристотелевы "сферы" обладают неравномерным движением, каков Закон этой неравномерности?

Разумеется, все эти проблемы исчезают, если предположить, что планеты не закреплены ни в каких-нибудь "сферах", но свободно "парят" в эфирном пространстве. Правда, при этом возникает другая проблема, - почему тогда планеты не падают на Землю, иль Солнце (в зависимости от того - что находится в центре системы)?

Вопрос о спутниках Фаэтона все сильнее мучит меня, и если бы не этот противный дождь, я бы всю ночь посвятил наблюдениям за ночным небом. К сожалению, по неизвестным причинам, увеличение кривизны, или диаметра кварцевых линз приводит не только к улучшению изображения, но и - неприятным эффектам, таким как - проявление радужных колец вокруг основного изображения.

В последних письмах в Тарент я просил Агафокла рассчитать предельный радиус линзы, при которой возникает этот эффект, но, к сожалению, выяснилось, что Агафокл убит в дни последнего штурма Тарента, а он - один из последних тарентских математиков. Я всегда говорил о примате механики над математикой, и, как видите, – Сиракузы стоят, а в Таренте совсем худо.

Впрочем, стоит признать, что помимо отсутствия у них моих механизмов, в Таренте нет таких складов, как у нас, и они очень зависят от поставок из Карфагена и Македонии. Зимой, в штормовую погоду, плавание опасно и Таренту приходится затягивать пояса.

Боюсь, что без расчетов Агафокла и рабов ассистентов, призванных исполнять простую работу, создание новых линз - вопрос долгого времени, а имеющееся у меня оборудование не позволяет судить о существовании спутников Фаэтона. Поэтому...

```
    //* * * //
```

Путь к Сиракузам лежал чрез Высоты. Эпаполийские. И вот на самой маковке этих Высот африканцы и встали лагерем, а обойти их – никак! Без Высот Сиракузы не взять, а без Сиракуз – прощай, доступ к пшенице…. А тут - из дому письмо, что сестра померла с голоду…

В общем, пошел я к Марцеллу и сказал – так, мол, и так… Прошу поставить меня с моей сотней первыми. Мне без этих Высот - жизни нет, а бывшим рабам должно Кровью смыть свой прежний Позор. Дело было перед Советом, когда решалось - штурмуем ли мы Сиракузы, или сперва разберемся с западной - африканской Сицилией. Так Марцелл перед всеми патрициями обнял меня и сказал:

- "Спасибо, Дурак. Да хранят тебя и твоих людей великие Боги…"

Боги сжалились: из двухсот человек моей "штурмовой" сотни выжило – восемнадцать. В двух других полегли – все. Мы лезли вверх по скале, а на нас сверху сыпались стрелы, камни и другое дерьмо. А когда мы долезли, на нас навалились отборные карфагеняне…

Помню, - был жаркий солнечный день - сильно припекало, и от трупов стало сильно вонять. Я сидел на камешке на самой верхотуре Высот и пытался что-нибудь сделать с моим пробитым нагрудником. Тут к нам подъехал Марцелл и кто-то из его свиты крикнул, чтоб я оторвал зад от камня, когда отвечаю патрицию. Но я уже так устал, и мне было до такой степени на все …, что я, сидя, отдал Честь, а мои люди вяло зашевелились - будто собираются встать.

Тогда командующий слез с коня, снял с головы шлем и бросил его своему адъютанту. Потом подошел ко мне и осмотрелся. Сильный ветер холодил его коротко, по-армейски постриженные, взмокшие волосы, а он стоял, запрокинув голову, будто пил свежий воздух, как самое ароматнейшее вино. Потом он посмотрел на меня и сказал:

- "Хорошая сегодня погода, Дурак. А какой вид! На все четыре стороны… Сиракузы отсюда, как на ладони. Это все твои люди?"

Я осмотрелся, пересчитал их еще раз, будто не делал этого уже раза три сразу после побоища и кивнул:

- "Да. Это все. Все - восемнадцать…"

Марцелл покачал головой и задумался. Затем вдруг спросил:

- "Тебе повезло. Всегда забываю спросить, - сколько же тебе лет?"

Я даже растерялся, - представьте себе - никак не мог вспомнить, когда же я появился на свет.

- "Двадцать, Ваша Честь. Целых двадцать".

- "Это много. Это очень много. Сегодня у меня полегло много патрициев. Поэтому я назначу тебя центурионом "штурмовой" сотни Авентинской когорты. Вообще-то не принято делать таких назначений для столь молодых, но сдается мне, - ты, Дурак, старше всех прочих! Так что – принимай-ка "Боевого Орла" и набирай новую сотню. Да, и людей своих не забудь", - он глянул на мой пробитый нагрудник и, обернувшись к патрициям, приказал, - "Эй, выдайте этим всем – алые плащи, да позолоченные доспехи! Теперь они - моя личная Гвардия".

Он снова надел на голову шлем, еще раз посмотрел на город внизу и пошел к свите. А потом

они все уехали. А я из центурионов ауксиллярии стал командиром преторианской сотни прославленной "Авентинской Когорты". А мои семнадцать бывших рабов – "всадниками" и – почти что патрициями. (Без права передать титул наш по Наследству…)

Нам бы всем плясать, да сходить с ума от радости, а я вместо этого заснул прямо на раскаленном камне, посреди смрада и вони. А через неделю мы вошли в Сиракузы. Нашей когорте была предоставлена честь начать штурм, и мы пробили Сиракузы насквозь, - до самого моста на Ортигию, в коей прячется Архимед, и враги в иных частях города оказались отрезаны. Так они спускали на воду все, что плывет, и пытались уплыть на Ортигию. В общем, взяли мы Сиракузы весной, остров заняли к осени, - наступила зима, а с нею – дожди.

Хвала Либеру, что у нас – хороший командующий. Мне наш старикан рассказал, что большая часть механизмов – не создана Архимедом, но стоит на Ортигии с древних времен. За всю историю Сиракуз еще никто не смог взять Ортигию – именно потому, что эти механизмы там стояли всегда!

По словам старика, в дни Пелопонесской Войны меж афинскими "Академиками", да такими же, как и мы, – простыми ребятами Спарты именно об Ортигию обломали зубы свои чертовы "академики"! А наши выиграли. Тем более, что старикашка наш говорит, что афинский флот лежит теперь на дне этой бухты, а кости всяких там "академиков" белеют сзади нас – на Высотах…. У афинян было превосходство во всем, но они – не дождались дождей, а бросились на штурм среди лета. И древние механизмы играючи перетопили весь их хваленый флот…

Старикан говорил как-то мне, что этот вот Дионисий, что выстроил механизмы Ортигии, да Высоты, начинал, как наемник без роду-племени. Его и прозвали-то – Дионисием за любовь выпить!

Так мы все тут думаем, что Дионисий тот - точно римлянин. Греки хорошего вина и не ведают, - разбавляют водой чуть ли не сок, а тут сразу видно – наш человек!

Греки – мастера на всякие глупости, да безделицы, а Ортигия, да Высоты выстроены – мужиком, - без всяких там выкрутасов!

Возьмем тот же самый театр. Казалось бы самая несерьезная вещь, а обзор из него – полгорода на ладони! Так что – вроде театр, а на деле – лучшего командного пункта и не найти. Самый сложный для обороны сектор – под весьма опасной горой, откуда могут бить катапульты – прикрыт всего одним офицером, - разве не гениально?!

Дождь почти перестал, и от костров запахло чечевицей и полбой. Мой старикашка суетился вокруг еды, таская для парней какие-то палки, да веточки. Толку от него было чуть, но…. Не знаю, - почему – у меня всегда сжимается сердце, когда смотрю на него. У меня в детстве был дедушка. Также вот суетился все, да пытался помочь – знал про себя, что стар уже и чересчур слабосилен…. И все равно – пытался быть хоть чем-то полезным. Умер он. Перед самой войной.

А я сижу все и думаю, - вот взял бы Ганнибал Рим, неужто дед мой вот так же – суетился бы вокруг карфагенян? Иной раз, кажется, - нет…. А другой… Солдаты – они все одинаковы. Небось, большинство тех же пунов – так же, как мы – не вылезают из бедности. А раз так, - накормили бы старика – простой солдатской едой…. А может, – нет. …

Зовут ужинать. Я подсел к огню, взял котелок с чечевицею, пожевал чуток, а потом, чтоб отвлечь мужиков от грядущего штурма, попросил старика:

- "Ты сказал, - мы не станем смотреть все ваши трагедии, кроме одной…. Расскажи-ка о ней. О

чем же она?"

Лицо старичка будто бы осветилось. Ему нравится быть в центре внимания и я чувствую – в минуты сии ему верится, что это он нас – Просвещает. Но когда он завел свой рассказ, все как будто бы стихло. Даже дождь совсем перестал…

- * *

Однажды Дионисий был у Оракула и спросил, - когда к нему придет Смерть. И пифия изрекла то, что было истолковано так:

"Тебе суждено Умереть, когда исполнится твое самое Важное из Желаний. Желаешь же ты Признаться в Любви. Когда возлюбленная услышит его, ты умрешь в тот же миг".

Говорят, тиран рассмеялся и поклялся никого не Любить. С той поры он держал много шлюх и чуть ли не каждую ночь спал с двумя, а то и – тремя, приговаривая, что сие – верное средство.

Сиракузы к этой поре стали самым богатым городом мира, и Дионисий выстроил свой театр. Самый дорогой, вместительный и красивый театр тогдашнего мира. Но театр невозможен без репертуара, без авторов, а Дионисий казнил всех своих литераторов!

Тогда тиран стал писать собственные трагедии. Он нанимал для того лучших учителей, но…. Все его трагедии неизменно проваливались.

Прошли годы. Драматург Дионисий проиграл все известные конкурсы и смирился с тем, что он – не писатель. Вместо пышных трагедий, да пьес, он стал писать в свое удовольствие и приохотился играть в своем домашнем театре.

Однажды одну из его пьес увидал величайший актер – Мнестер, коий, согласно легенде, пал пред Дионисием ниц:

- "Позвольте, позвольте мне играть эту роль на конкурсе в Дельфах! Там судят не только жрецы, но и – простой люд, я обещаю: с этой вещью мы – выиграем!"

Дионисий не верил уже ни во что, но – одарил Мнестера и его труппу, купил им лучшие маски и декорации.

В Дельфах же…

Суть трагедии сводилась к тому, что на сцене весь спектакль был один актер (Мнестер), исполнявший роль старой женщины.

У женщины этой был сын. Непутевый, пьяница, бабник и озорник. Однажды за какое-то очередное свое безобразие этот малый пошел служить в армию (иначе бы его судили за преступление) и в какой-то нелепой войне непонятно за что – был убит. Убит на глазах у всех – без сомнений. Но вот после боя – тело его не нашли.

И вот теперь старая мать ждет его, веря, что ее озорник лишь прикинулся мертвым, чтобы после войны местные судьи не арестовали, и не засудили его.

Непонятно - сколько прошло лет, в каком это городе, да и вообще, – правда это все, или – вымысел.

По сцене ходит много народу, - былая подружка озорника, вышедшая уже замуж. Дружки по

ребяческим играм, ставшие степенными обывателями. Суровые судейские, говорящие матери, что – все к лучшему, иль ее сын стал бы закоренелым преступником…

И бесконечный монолог старой женщины – о том, как ее сын был совсем крохою, о том, как любил он играть в мячик и камешки…

И строй хора, исполняющего бесконечную песню без слов, а на лицах хористов - маски всех греческих богов и богинь.

И старуха, молящая бессловесных богов – вернуть ей сына ее!

И старуха, бьющаяся на сцене в припадке с криками:

- "Он – жив! Жив! Я знаю…. Или – нету вас никого! Будьте вы Прокляты!"

Потом она долго лежала на сцене, и зрители ждали положенного "катарсиса" - возвращения сына, Гнева Богов, или – что-то подобного…

Но безмолвные "боги" все так же продолжали свой бесконечный, бессмысленный танец и тягучую песню без слов. А старуха вдруг начинала ощупывать себя всю, поправлять волосы и шептать:

- "Господи, что ж это я… Руки на себя наложу, а тут приедет мой сыночка…. А дом-то – не убран!"

И на глазах изумленного зала старуха доставала откуда-то совочек и веничек и… начинала подметать за собой.

В тот миг с места вскочили человек десять с криками:

- "Он – жив! Я знаю его, - он потерял память на какой-то войне и живет теперь у нас в Арголиде…. Да нет, - то не он! Настоящий живет у нас – на Хиосе, - его прибило волной к нашему берегу, и он – все забыл!.. Да замолчите вы, - наш он – с Эвбеи! Я знаю его, я, как только вернусь, – заставлю его прийти к вам!…"

Люди шли к сцене – простые крестьяне, ремесленники, зеленщики, они окружили потрясенного Мнестера, успокаивали его, хлопали по плечу, заглядывали в прорези его женской маски…

Лишь когда актер снял ее, люди опомнились и наградили Актера неслыханнейшей овацией. Трагедия Дионисия шла третьей из четырех, - но народное ликование было столь велико, что последние из противников не смогли уже выступить…

Мнестер был прав. Жрецы были против трагедии, ибо она, по их мнению, шла не только в разрез со всеми принятыми канонами, но и… попахивала Бунтом против всех Богов и Аполлона в особенности! Но что делать, когда члены народного заседания - единогласно за трагедию Дионисия, а на Аполлоновых Играх у народа двадцать четыре голоса против двенадцати жреческих!

Дионисию послали победный венок, да уведомление, что его бюст отныне стоит в самих Дельфах в одном ряду с Эсхилом и Еврипидом.

Тиран же на радостях устроил пышнейшее торжество и пил на нем сверх всякой меры. Средь

шумного пира к нему прибыл купец, который дал ему детскую погремушку и пояснил, что старая женщина из Афин просила сказать, что - Счастлива за него. Великий тиран побледнел, поперхнулся и рухнул замертво среди самого величайшего торжества в его жизни.

Сын Дионисия потерял трон, город и Власть, а в Сиракузах победил некий Дион. И вся афинская Академия в дни Гражданской войны в Сиракузах была на его стороне. Так вот этот Дион…

Он приказал сжечь трагедию Дионисия и еще много других, так никогда никем и не виданных. Сжег же он их по трем весьма веским, с его точки зрения, соображениям.

Во-первых, - "Дионисий был известный тиран, а его трагедия – памятник Тирании и даже Знамя – в глазах бунтующей черни".

Во-вторых, - "Так называемая Трагедия Дионисия, на самом-то деле совсем не трагедия, но вульгарщина, оскорбительная для вкуса всех культурных людей".

В-третьих, - "Особо опасным нам представляется Бунт против Веры, основанный на явном безбожии автора".

На основании всего этого – детище Дионисия было осуждено и уничтожено. Но вот что странно…

Ни разу – ни до этого, ни – после того, ни одна из новых трагедий не удостаивалась двадцати четырех голосов "от народа" на театральных состязаниях в Дельфах. Поэтому-то бюст Дионисия со временем стали покрывать позолотой, как самого знаменитого победителя Дельфийских Игр, а само имя его…

Видите ли… Дион, сжегший все трагедии Дионисия, выказал себя скверным правителем. Город быстро впал в нищету, театр Дионисия скоро разрушился, и жители Сиракуз стали звать Дионисия не иначе как – Великим, а обо всех жестокостях его почему-то забыли. Средь "Тиранов" же пошла мода, – все они кинулись на трагедии. Появилось поверье, что за одну-единственную трагедию, хорошо принятую народом, потомки забудут все твои тиранские прегрешения.

Вот такая история.

* * *

Я сидел на сцене театра того самого Дионисия, котелок с чечевицею в руке моей невольно дрожал, и голос мой изменил мне, когда я спросил:

- "Ты найдешь мне текст этой самой трагедии?"

Старикашка напугано взглянул на меня. Что-то во мне очень ему не понравилось и он, – бочком-бочком – отползая от меня в темноту, жалобно проскулил:

- "Да нету этого текста! Сожгли по приказу Диона…. Многие пытались его повторить, но…. Поэтому на бюсте тирана в Дельфах – Вечный Венок! Он сделал то, что не смогли ни Эсхил, ни Софокл! Впервые все зрители Дельф - от мала до велика подали все свои голоса за него! А уязвить в самую душу афинских говорунов, головорезов воинственной Спарты, да коневодов варварской Македонии – одновременно…. Поэтому он и – ГЕНИЙ!!!

Никому и ни разу не удалось, - не то что повторить сей успех, не удалось - даже восстановить утраченный текст! Один только Миф, Легенда о Великом Тиране – Ужаснейшем Дионисии, коий сумел заставить рыдать по себе всех эллинов – без различия званий, племен, да сословий…"

Что-то сдавило мне все изнутри. Я бросил котелок:

- "Стоять! А ну-ка, пошли! Расскажешь это все еще раз!"

Мы пошли в другую сотню, затем в третью – и так во все сотни нашей когорты. Везде старикашка рассказывал историю трагедии Дионисия, и смолкали голоса, да звон ложек. Странная тишина воцарялась вокруг…

Тогда я просил вести грека далее, а сам говорил братьям моим:

- "Ну, что ж, мужики…. Теперь и вы знаете, за что и против кого мы идем умирать. Так получается, что одни строят Ортигию, да Высоты и слывут всю жизнь в Дураках, да Тиранах, а другие – умные, да образованные - жгут, рушат все…
Так вот, братцы…. Тот, кто строит крепости, подобные этакой, не доведет свой народ до того, чтоб детки на улицах пухли с голоду! Поэтому тот, кто засел там – Самозванец. Крепость сию строил - не он. Высоты – тоже не его Детище.
А он же – присвоил себе лавры настоящего римлянина, книжку чью дружки его – сожгли на костре! Да, меж ними – разница в двести лет, но этот гад Архимед нашел бы общий язык с тем самым гадом, что сжег не написанную им книжицу! Ибо все они – одним миром мазаны!"

Я повторял это и в третьей сотне и в следующей…. И по глазам моих мужиков я увидел, - мы возьмем эту Ортигию.

Легко. В один пых. …

- * *

… Меня отвлекли от рукописи какие-то крики внизу у ворот. Верно, римляне наконец-то пошли на приступ… Жалкие варвары…

Да, на чем же я остановился? Проклятые римляне - опять сбили с мысли, - никак не могу вспомнить: о чем только что думал? Проклятые римляне…

Надо признаться, мы не ждали от них такой хитрости, - всем известно, что ночью трудней управлять армией и поэтому оборона получает известное преимущество. К тому же было известно, что римляне потеряли много людей на Высотах. Возможно, мы допустили ошибку, отдав приказ о ночных работах по ремонту стен города…

По словам выживших, римляне оделись – как каменщики, и подошли вместе с обозом свежего камня из загородного карьера. К тому же средь них оказалось немало бывших рабов, хорошо говоривших по-гречески, и для подвод отворили ворота. А потом – было поздно…

Варвары ворвались в город, но еще – не все было потеряно. Ровно так же в незапамятные времена – в город ворвалась афинская армия. И я молил Богов лишь о том, - пусть враги появятся на молу, пусть бросятся на стены Ортигии! Мы - даже не подняли мост и не заперли ворота крепости. Ну, покажитесь! Ну, идите сюда…. Идите же!

А потом вспыхнули десятки зажженных факелов вдоль всей пристани. Лучшие из гвардейцев противника гнали всех – подальше от набережной. Стоявший рядом со мною солдат выругался:

- "Грамотные.... Чертовы варвары!"

Он был в такой ярости, что я не решился напомнить ему, что историю гибели Алкивиадовой армии, начавшейся именно с безумного штурма вроде бы уже сданной Ортигии, учат в гимназиях. Странно наблюдать такую осведомленность у варваров, но.... Знание – сила.

Лишь когда стало ясно, что штурма не будет, кто-то не выдержал и выстрелил катапультой. Варвары сразу сбежались к упавшему камню и, судя по движению огоньков факелов, высчитывали дальность полета камня. Люди мои в ярости стреляли по ним – вновь и вновь, а они...

В какой-то момент движение факелов прекратилось, и главный наводчик, побледнев, доложил мне, что факелы стоят точно на границе огня катапульт.... От бессилия я тогда разрыдался....

Всю ночь над городом были огни, да слышны крики женщин...

Нет.... Не думать... Я не должен думать о них... Я только что писал о Фенонте. Да, что-то там о Кольцах Фенонта. Не думать....

- * *

Ночью пришел приказ, и мы выдвинулись.... Сам Марцелл пришел проводить нас. Он сказал:

- "На рассвете вы должны быть внутри чертовой крепости. Пока мы не взяли Ортигию, карфагеняне в любой день могут высадиться в этой бухте, выбить нас из Сиракуз и восстановить укрепления на Высотах. Тогда нам придется брать Высоты второй раз. Кто хочет еще раз идти на Высоты, а?"

Ребята расхохотались, тогда Марцелл поднял руку, призывая к вниманию, и добавил:

- "Значит так, - в крепости есть отдельные разумные греки. Вы понимаете, что я имею в виду под словом "разумные". Они сообщили, что с той -- обратной стороны крепости -- отвесная скала со стеной, а за нею -- машины. Сверху никто не видит того, что творится на камнях под скалой, а машины ночью -- не охраняются.

Есть задумка.... С десяток добровольцев должен влезть по той отвесной скале, да поднять на веревках товарищей. А потом, все, кто заберутся наверх, должны открыть основные ворота.... Не мне объяснять вам, как это делается...

Распахните ж ворота мне так, чтоб в них проехали наши триумфальные колесницы! Пленных не брать. Но Архимед мне нужен живым. Тот, кто приведет его ко мне целым и невредимым, получит награду в тридцать талантов греческого серебра".

Ребята прямо заорали от радости: на тридцать греческих талантов можно купить целую виллу на берегу Тибра - такую знаете, всю из мрамора и с бассейном. Рабов - штук сто, ну и рабынь - само собой, - то-то будет развлечений до самой смерти! Я представил себе, как возвращаюсь домой и бросаю в ноги матушке мешок с серебром. А она обнимает меня, целует. А потом мы устраиваем пир на весь Авентин, и я сижу во главе стола. А рядом со мной - Терция Басса, - все детство мы играли с ней вместе, а когда я пошел на Войну, она сплела венок из ромашек мне на прощание.

Матушка теперь пишет, как Терция ухаживает за ней и помогает ей по хозяйству. На войне погибло много народу с нашего Авентина, и теперь почти все незамужние девушки живут в домах тех парней, что живы еще, помогая своим будущим "матерям". Говорят, что это самый верный способ удержать за собой парня после войны, - вряд ли на Авентине найдется хоть один негодяй, что пойдет против мнения своей матушки, да ее -- Благословения!

Да я и не против, - Терция девчонка - что надо, не то что всякие там патрицианки с Палатина: идет, нос до неба, вид такой будто дочь самого Тарквиния Гордого, а на деле -

шлюха шлюхой.

А денежки за Архимеда мне - ой-ой-ой как понадобятся. Помните про эти самые трубы в театре Диониса? Задумка тут у меня есть, - сам-то театр мне ни к чему, а вот вода, идущая кверху сама собой - это здорово. Авентин - высокий холм и в лучших домах на самой вершине холма воды испокон веку не было. Я сам в детстве таскался со здоровенным ведром за водой. А вот были бы у меня денежки, я б построил вот такую трубу от колодцев на самый верх моего холма, и продавал ее по ведру за обол. Красота, - сиди себе у трубы, а денежки сами собой в карман - так и текут!

В общем, стал я приставать к старикашке: расскажи мне про то, как это здесь все работало, а он - бумаги с расчетами под замком у самого Архимеда!

Так что, когда мы выходили из лагеря, я поймал моего старикашку за шиворот и велел стеречь лагерь, как зеницу ока, а пуще всего -- книжки всякие. Так и говорить всем, - "Достояние Римской Республики", -- грызет меня мысль на сей счет.

Короче, если останусь жив, найду эти книжки, принесу старику, чтоб перевел. Поверите ли, - спать не могу: вижу воду, текущую вверх. А в ней -- мои денежки!

Если только останусь жив... Мраморная вилла на вершине холма, огромный бассейн, фонтаны.... Стоит Терция Басса и обнимает мою милую матушку, а вокруг - детки бегают, и в ушах так и звенит от их голосов... Если останусь жив. ...

- * *

Я помню день, когда варвары впервые вошли в мои Сиракузы. Они не жгли, и не грабили, но женщины плакали от того, как римская солдатня хватала их прямо на улице и трясла кошельками, предлагая деньги – за прелести. Моя собственная жена еле вырвалась из объятий трех таких молодцев. Она была беременна, и ее оскорбили приставания римлян. Я тогда обратился с жалобой к римскому коменданту, и он приходил приносить извинения.

Я как сейчас помню этого варвара... Он него нестерпимо несло потом, железом и чесноком. Его руки были черны от грязи и навоза, - да-да – навоза! Он сам со смехом рассказывал, что в хлеву его нового дома, подаренного ему Гиероном, грязно, как у Авгия в конюшнях, и он целый день разгребал вилами все это дерьмо.

А еще он непрестанно грыз семечки и сплевывал тыквенную шелуху прямо на наш мраморный пол! Грыз, да еще предложил мне горсть сих вонючих, замаранных коровьим дерьмом семечек!

Вдобавок ко всему, он самовольно спросил вина и один выпил целую амфору! Выпил, довольно рыгнул и стал лапать своими ручищами скатерть тончайшего тирского полотна и спрашивать, - сколько я за нее заплатил?

Я к тому времени был уже в полуобморочном состоянии от всех запахов, словечек и шумов, кои производил этот варвар, что снял скатерть и отдал ему, чтобы тот быстрее убрался. А на пороге он схватил меня за грудки и прошипел чесночным запахом мне в лицо:

- "Я-то свои руки вымою, а скатерку-то - простирну. Так мне за нее - стиранную в Риме отвалят таланта два! Я сразу же разглядел, что это настоящая тирская шерсть! Так что мне все твои смешки, да ужимки - по фигу. А вот ты, - как был всю жизнь Дураком, да Дерьмом, так на всю жизнь Дураком, да Дерьмом и останешься! Сколько бы ты не душился своими духами!"

Когда дверь за ним затворилась, я обернулся и увидел мою жену. Она зажимала от ужаса рот, чтобы не закричать:

- "Он вернется. Он сказал мне, что через десять дней он вернется и если я не пущу его, он... Он

сказал, что приведет двух дружков, а втроем они – "всех изнасилуют". Что делать?"

Я сунул два пальца в рот, меня вырвало, но я избавился от ужасного запаха, коим провоняла моя маленькая гостиная, и отвечал:

- "Собирай вещи. Мы уезжаем".

Через неделю мы были уже в Александрии. Я был молод и наивен и думал, что уж в Александрию-то сим скотам - вовек не добраться. Я ошибался. В Александрии они объявились через каких-нибудь двадцать лет.... Тогда я вернулся домой в Сиракузы...

Я не узнал Города. Мне показалось, что дома стали пониже, а сам город стал каким-то съежившимся и напуганным. Я встретил моего старого друга и не поверил глазам, - он был одет в какой-то бесформенный серый хитон и все время озирался по сторонам. Я его спросил, почему он не писал все это время, почему он сменил одежду, почему он не следит за прической, почему...

А мой друг отвечал мне, что, оказывается, с точки зрения римлян, - все красиво одетые – "проститутки". В первые дни негодяи стеснялись, а потом стали насиловать всех подряд, а наказать их нельзя, потому что они после этого - всегда оставляют огромные (для нас – эллинов!) деньги для жертвы. Насилуют – всех, невзирая на пол, а потом смеются в глаза: "Вы бы еще позже по улицам шли, пышней одевались, да – душились, как шлюхи!" А какой симпозиум без – гетер, умащения маслами, да бесед – за полночь?! Ну и...

Торговля с ремеслами пришли в упадок, а представителям свободных профессий – жить вообще не на что! Оказалось, что варвары скупали всю сельскохозяйственную продукцию оптом и сразу отсылали ее к себе в Рим, говоря, что – мы не умеем делать ни оружия, ни – стальных плугов, поэтому и ремесла наши им не нужны. Производство же амфор, кубков, перстней, да браслетов пришло в упадок, ибо варвары не желали за все это платить.

Когда-то Сиракузы славились "пиратским гнездом", да "базаром невольников". В бухте теснились купеческие, да рыбацкие корабли, - пиратская жизнь имеет свою неоспоримую прелесть и сложно винить купца с рыбаком, когда в его багаже - абордажная сабля.... Поэтому римляне, "взяв опеку над городом" – сожгли все сиракузские корабли, галеры и лодки, а также - вырубили леса вокруг города. Цены на съестное сразу взлетели практически до небес.

Это звучит ужасно и дико, но наши же земледельцы сегодня – горою за римлян (именно поэтому варвары так легко заняли всю остальную Сицилию), рыбаки же, купцы, ремесленники и эллинская знать – разорились. Чудовищное опрощение, вульгаризация нравов привели... к массовым занятиям проституцией, ибо лишь торговля собственным телом и приносила всем стабильный доход.

Эти римляне... Они хватали и тащили в казармы всех, кого могли заподозрить в занятиях проституцией. И теперь во всем городе, во всех, славившихся радостью и весельем Сиракузах, нет ни одного мужчины с не то чтобы локонами - с длинными волосами! Никто не носит одежд веселых цветов, никто не пользуется духами, или косметикой... "Представь себе", - горько усмехнулся мой друг, - "не прошло и двадцати лет с прихода этих скотов, а мы уже все здесь потихоньку стали угрюмыми римлянами"...

Боги, да что же это за шум, - там внизу?! ...

- * *

Парни мои чуть ли не голышом – из воды полезли на скользкие камни Ортигии. С десяток их сорвалось с отвесной стены и разбилось сразу же насмерть, но – ни один даже не пикнул! Лишь взобравшись на каменный парапет, за которым высились ужасные машины проклятого Архимеда, они сбросили веревки всем прочим и мы тоже – поползли по отвесной стене вверх из воды.

Хлестал сильный дождь, ноги скользили по камню, а руки не могли уж сжимать жгущие ладони веревки. Затем мы все оказались на огромной стене и беззвучно рассыпались по ночной крепости. Грекосы и не ждали нас с этой-то стороны!

Пара точных ударов мечом, да небольшая работа удавкой и гигантские ворота Ортигии медленно распахнули свою бездонную пасть перед остальною нашей когортой. Потом запылали огни, и раздался крик насилуемых богатеек…

Пока я выслушивал донесения от дальних отрядов, парни мои убежали на главное развлечение – поимку Архимеда. Шутка ли, - тридцать талантов живым серебром за паршивого грекоса?!

Бегу я по этим всем коридорам, по дворикам крепости и присматриваюсь, - небось этот гад никуда не денется от своих механизмов. И точно, - смотрю, из одного такого вот дворика высовывается такая здоровенная труба и глядит точно в небо. Мне труба не нужна, но какой дурак, кроме Архимеда, способен смотреть ночью - в дождь, на покрытое тучами небо?

Я остановился, отдышался чуток, подошел…. В дверном проеме стояли мужики из моей сотни и странно глядели все на меня. Затем Ларс – спасенный мною этруск откашлялся и сказал:

- "Мы тут с мужиками подумали…. Это – твой приз. Ежели кому и суждено получить награду за сию сволочь, так – тебе. Ты – самый достойный из всех нас. Он – там…"

Я смотрел на моих верных людей и к горлу ком подкатил…. Какая там вилла на вершине холма…. Какой там мне к черту – фонтан?! Вот мое богатство, вот где мои таланты!

Не в силах слова сказать, я обнял Ларса, попытался пожать руки всем нашим, а затем - вошел в чертов дворик…

- * *

Тишина… Боги, какая странная вдруг – тишина. Потом - римские голоса… Кто-то идет мимо окон, бряцая тяжелым оружием… Отрывистые крики – как лай собак, или – ругань… Женский плач, топот множества ног и опять – лающие гортанные крики…
Я… Мне… Великие Боги – вразумите меня… Я…
Я – что-то писал. Я что-то не успел дописать. Что-то важное… Я писал что-то – важное… Я могу… Я ДОЛЖЕН закончить сие…

- * *

Вхожу, а там - темно и тихо. Только запах каких-то духов - у нас на Субуре такими самые дешевые шлюшки мажутся, и то ли сушеными фигами, то ли финиками несет. Я такие вкусности за версту чую - даром что последние годы на одной чечевице живу. Да тухлой солонине. Всю еду мы в Рим отправляем, - женам, да деткам нашим.

И вот иду я, мечом вперед, а запах такой, что слюнки так и текут, так и текут… Тут - впереди плотный полог, а из-под него лучик света!

Я по материи - хрясь мечом, смотрю, а предо мною картина - столик, на нем огромная ваза с сушеными, да засахаренными фруктами-ягодами, а дальше светильник и за светильником какой-то старикашка сидит и скрипит себе перышком. Скрипит и нахальным таким голосом:

- "Я занят. Позже".

Я сразу понял, кто это такой. У меня аж в животе все кишки свело, а перед глазами только - мраморная вилла на берегу Тибра, матушка улыбается и Терция моя с целым ворохом ребятишек… Ну, иди сюда мерзкий старикашка… Иди, не бойся, я тебе дурного не сделаю, - ты мне тридцать талантов сейчас в зубах принесешь…

А во рту так и течет слюна, так и течет, и запах сладких фиников так кружит голову…

- * *

Я не поднял головы. В нос ударила волна запаха пота, крови и чеснока. Я закрыл глаза и увидал того самого варвара, плевавшего семечками на мой мраморный пол. Вонючий центурион тянет руки к моей жене, - врешь, она - мертвая, ведь римляне поубивали их - всех… Я слышал, я точно слышал, – как кричала она в ту самую ночь, когда они вошли в город. Все кричали… Я зажимал уши, а ночь стонала их криками…. А вдруг, - жива? Нет… Полгода плена… Она умерла. Лучше бы – умерла.
Будьте вы Прокляты. Пошел - вон отсюда.
Ты не посмеешь дотронуться до меня, варвар.
- "Пошел - вон!!! Ты… Ты заслоняешь мне свет! ПОШЕЛ - ВОН!!!"

- * *

Сладкий запах фиников, Боже, как мне осточертела моя чечевица. Меня тошнит с чечевицы… И все равно я буду ее жрать, пока не уделаю последнего пуна, пока своими руками не удавлю последнего грекоса! Мы доверились вам, а вы нас - Предали и продали! Все говорят, что после того, как убили вы своего Гиерона, тех наших, что попали к вам в плен, вы пытали до смерти и всячески издевались. Предатели… Подлые грекосы…

Мои ребята шли вперед на эти Высоты, качаясь от голода, а эта мразь жует сладкие финики…. Сколько еще мужиков я схороню на войне, а он… Сладкие финики?! Вот тебе - финики, ВОТ, ***ВОТ*, ВОТ - ПОЛУЧАЙ, ПРЕДАТЕЛЬ!!!**

- * *

Когда меня вывели перед строем, Марцелл с ненавистью спросил:

- "Как ты посмел не подчиниться моему Приказу? Как ты посмел убить Архимеда?"

- "Не могу знать, Ваша Честь. Я… Я подумал, - столько наших ребят полегло, а этому Предателю - Жить… Столько народу в Риме померло с голодухи - в Блокаду, а этот… всю жизнь жрал финики и дальше их будет жрать… Разве так Справедливо, Ваша Честь? Разве это по-честному? Чем этот самый Архимед лучше меня, или Вас? Почему нашего Ларса могли пытать, как хотели, и издевались над ним, как хотели, а этого гада и - пальцем не тронь?! А ведь он присягал Риму в Верности. Разве так – Честно?"

Командующий пытался ответить, но ребята тут зашумели:

- "Дурак правду сказал. Все мы равны. Все мы потомки Ромула и - Равны. Все патриции - одного

поля ягода. Мы тут подыхаем, а они - финики жрут. Правду Дурак говорит!"

У Марцелла почему-то вдруг задергался глаз и уголок рта. Уже поспокойней он произнес:

- "Слушай, Дурак, неужто тебе не жалко было целых тридцать талантов?! Подумай, это же целое состояние!"

А меня такая обида взяла, - мочи нет:

- "Еще как жалко, Ваша Честь… Да только моих ребят, что лежат сейчас на Высотах – жальче в сто крат…"

И вдруг стало так тихо, что слышно, как - ветер листву гонит по крепости. А потом у Марцелла задергалось все лицо, он схватил мешок с серебром и швырнул его в мои руки и закричал:

- "Ну, раз ты такой жалостливый, возьми их на помин всех наших. Получай!"

- * *

Странная штука жизнь…. Думал я, – вот сейчас казнят меня за нарушенье Марцеллова приказа, а вышло…

Через месяц после паденья Ортигии из Рима пришел корабль с претором на борту. Претор выстроил нас во дворе Ортигийской крепости и зачел решенье суда:

"За потакание Предательству и попытки спасти Шпиона с Изменником, гражданин Рима – Марцелл лишается всех чинов, наград и воинских званий и должен быть под конвоем препровожден в Город Рим для дальнейшего следствия.

Вместо него, временно, командующим назначен Марк Брут, как единственный, кто знал, что нужно делать с Предателями.

Армии подготовиться и при первой возможности выступить в Восточный поход на предавшую нас Македонию. Марк Юний Брут назначен временным проконсулом армии до особого распоряжения и властен над судьбою и жизнью любого из вверенных его Гению подчиненных. Народ и Сенат Римской Республики".

Я не знал, что сказать. Ноги мои подогнулись, и я не мог ступить шагу. Потом ко мне подошел постаревший вдруг Марцелл:

- "Ты достоин этого, Брут! Они спросили меня, - кого я думаю оставить вместо себя на команду, и я решил, что ты – самый лучший. Не подведи меня, Дурачок…. И - Дай Бог тебе Счастья!"

- "Это – неправильно! Вы – наш командующий! Вы обязаны повести нас на греков! Я не знал, что так выйдет… Я бы… Я бы – пощадил Архимеда, чтоб только вас бы не трогали!"

- "Какой же ты – Дурачок, мальчик! Я – сторонник Фабия Кунктатора, мы надеялись завершить всю Войну мирным договором. Но наш враг Сципион одержал ряд побед в Бетике, да Испании…. Теперь – сторонники победной войны требуют кровопролития до конца. До безусловной Капитуляции Карфагена…. Наша Победа в Сицилии пришлась им как нельзя по душе!
Знаешь, я рад, что ты убил Архимеда. Мудрец не заслуживал медленной и мучительной казни – прилюдно, под пыткой. А этим бы все и кончилось, доставь ты его мне – живым…

Ну, удачи тебе, Дурачок. Береги армию. Удачи".

Я видел, как преторианцы уводили нашего командира. Я.... Я не знал, что думать, что делать.... А потом будто Боги подтолкнули меня!

Я бросился вслед уходящим судейским, схватил главного из них за плечо, развернул его патрицианскию харю и прошипел:

- "Пусть волос упадет с его головы, и ты не поверишь, что я с тобой сделаю! Я – Дурак! Я смогу это сделать!"

В первый миг претор побагровел, хотел что-то сказать, но за моею спиной сразу сгрудились мои молодцы, и вдруг я увидал в глазах судейского ужас. Он задрожал всем своим телом, боязливо поднял руку, будто хотел загородиться ей от меня и проблеял:

- "Да что вы... Что Вы, Ваша Честь! Я... Отставка и ссылка – обещаю вам, - не больше того... Марцеллу ничто не грозит, уверяю вас!"

В ответ на это я поднял мой плебейский кулак к самому носу патриция и со значением произнес:

- "Я - верю тебе. Я – проверю тебя. Для тебя же, дружок, будет лучше, ежели ты сказал правду!"

Когда они все уехали, я собрал всех пленных механиков, вызвал моего старенького толмача и указал грекосам на ворох книг:

- "Половина из вас переводит это вот – с вашего языка на наш – человеческий. Вторая половина учит меня вашему птичьему языку. Третья – вашей механике..."

Грекосы захихикали. Кто-то сказал:

- "Целое можно разделить только напополам, – никак не на три!"

Я позвал Ларса и тот на глазах пленных стал точить большой меч. А я пояснил:

- "На сколько половин я велю - на столько вы и разделитесь. Или Ларс мой сейчас разделит любого из вас ровно на семь половин! Отдельно - руки, отдельно – ноги, а закончит, пожалуй что – головою.

Ну.... Так сколько половин в одном целом?"

И механики покорно проблеяли, - "Семь, Ваша Честь!"

- "Это – славно. Вы быстро учитесь. А я – Дурак. Но я – выучусь. Смысл же учения состоит в том, чтоб я лично по чертежам смог выстроить такую же катапульту. Кроме меня этому ж самому вы научите – тридцать моих офицеров. За три месяца. Вы запомнили?"

И механики еще раз повалились в ноги ко мне и – стали их целовать. А я смотрел на далекое встающее солнце и видел Рим в Фонтанах и Термах, а из него бесконечные дороги и по ним - наши плебейские легионы, идущие спасать целый мир.

From:
http://wiki.footuh.ru/ - **Тяпка Футюха**

Permanent link:
http://wiki.footuh.ru/doku.php/content:books:archimedes?rev=1463863697

Last update: **2016/05/21 23:48**